

УДК 821.161.1-1

АПОКАЛИПСИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ И БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. А. АХМАТОВОЙ К. 1910-Х – Н. 1920-Х ГГ.

Л. Г. Кихней¹, Л. А. Яковлева²

¹Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

²Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального
университета им. М. К. Аммосова
кафедра русской филологии

Статья посвящена одной из стадий развертывания апокалипсического сюжета в творчестве А. А. Ахматовой. На материале стихотворений, вошедших в сборники «Подорожник» (1921) и «Anno Domini» (1922), прослежена рецептивная специфика воплощения эсхатологических мотивов, выявлен ряд аллюзий на тексты Священного Писания, в первую очередь, на «Откровение Иоанна Богослова».

Ключевые слова: *три стадии апокалипсического сюжета, эсхатологические мотивы, библейский архетип, конец света, пророчество, искупительная жертва, исход, конец света*

Эсхатологические и апокалипсические мотивы в творчестве А. А. Ахматовой складываются в метасюжет, коррелирующий с мифологическим архетипом.

Древние мифы о конце света в большинстве своем цикличны: мир гибнет не окончательно: за завершением очередного витка космологической спирали следует новый (вселенная обновляется *через смерть*). Сюжет апокалипсических мифов строится на последовательном развертывании следующих стадий: *первая (эсхатологическая) стадия*: угроза мировой катастрофы, предугадываемая божьими избранниками в ряде симптомов приближения конца света; *вторая (апокалипсическая) стадия*: повествование о гибели культурного социума вследствие Божьего гнева («гнева богов»), борьбы светлых и темных сил (Всемирный Потоп, Армагеддон, Рагнарёк и т. п.); *третья (постапокалипсическая) стадия*: спасение избранных, возрождение мира, воскрешение праведников и т. п.

Важными семиотическими элементами эсхатологических мифов является мотив *предсказания* (как правило, персонифицированные в образе пророка, а зачастую и мотив *искупительной жертвы* (как условия спасения избранных и / или последующего возрождения человечества) [4, с. 108–112].

Иногда все три эсхатологические стадии редуцированы к первой и сконцентрированы в визионерском предвидении будущего. Подобное прозрение представляет собой пророчество Исаии о падении Иудеи и Вавилонском пленении, перерастающее в предсказание Последнего Суда. Грандиозным эсхатологическим видением будущего человечества является Откровение Иоанна Богослова, завершающее Новый Завет. Заметим, что в эсхатологических пророчествах (в отличие от повествования-воспоминания о прошедших катастрофах) совершенно меняется функция слова: оно становится прагматическим предупреждением, цель которого – повлиять на настоящее.

Симптомом приближения конца времен (первая апокалипсическая стадия) в христианской традиции служит увеличение зла в мире, возрастание власти сатанинских сил, что в конечном итоге персонафицируется в мотиве прихода антихриста. Заметим, что антихрист – это не сам Сатана, а, скорее, его подручный, эсхатологический противник Бога и Иисуса Христа, анти-Христос, лже-Мессия. Апокалипсический сюжет осложняется тем, что антихрист, выдавая себя за Мессию, будет соблазнять людей и обольщать их спасением не через Иисуса. Так, признаком наступления «последних сроков» в 1-м Послании Иоанна является как раз появление лжемессий и антихристов: «Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время» (1 Иоан., 2, 18).

Кульминацией (второй стадией) Апокалипсиса Иоанна Богослова является последняя битва темных и светлых сил, в финале которой силы добра одерживают полную и безусловную победу над вселенским злом. А развязкой (третьей стадией) служит Страшный Суд, который становится вратами в тысячелетнее царство Божие.

Эсхатологические мотивы (1 стадия апокалипсического сюжета) появляются в творчестве Ахматовой в период Первой мировой войны: «Черных ангелов крылья остры, // Скоро будет последний суд...» [1, с. 83]; «Где день и ночь, склонясь, в жаре и холоде, // Должна я ожидать Последнего Суда...» [1, с. 117]; «Сроки страшные близятся. Скоро // Станет тесно от свежих могил. // Ждите глады, и труса, и мора, // И затмения небесных светил...» [1, с. 97].

Но уже в конце 1917 года эсхатологическая стадия перерастает в апокалипсическую. А. А. Ахматова пишет о сбывшемся пророчестве («предсказанные наступили дни»). Особенно ярко вторая стадия апокалипсического сюжета отражена в стихотворении «Когда в тоске самоубийства...» (1917). Здесь появляются реминисцентные образы из «Откровения», например, Вавилонская блудница – с которой сравнивается «приневская столица». Но главное, стихотворение передает изменение состояния мира, умаления добра и праведности: «Когда в тоске самоубийства // Народ гостей немецких ждал, // И дух суровый византийства // От русской церкви отлетал, // Когда приневская столица, // Забыв величие свое, // Как опьяненная блудница, // Не знала, кто берет ее...» [1, с. 143].

Именно это состояние мира и церкви чревато появлением антихриста. Антихриста во плоти здесь еще нет, но есть его голос: «Мне голос был...». Здесь Ахматова прибегает к парадоксальному ходу. Ведь вся сюжетная ситуация общения героини с «голосом» проецируется на Откровение Иоанна Богослова. В частности, сама формула «мне голос был» по сути дела – парафраз речи Иоанна, предвещающей апокалипсическое сказание (ср.: «Я слышал позади себя громкий голос, как бы трубный» (Откр., 1, 10). И далее, вся речь, обращенная к героине, как бы соткана из апокалипсических цитат. Ср.:

В стихотворении «Когда в тоске самоубийства...»:	В «Откровении Иоанна Богослова»:
Он говорил: «Иди сюда. Оставь свой край глухой и грешный, Оставь Россию навсегда... Я кровь от рук твоих отмою,	«И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее. Ибо грехи ее дошли до неба, и Бог вспомнил неправды ее» (Откр., 18, 4–5);

Из сердца выну черный стыд. Я новым именем покрою Боль поражений и обид». [1, с. 143]	«Благодать вам <...> от Иисуса Христа, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею» (Откр., 1, 5); «Побеждающему <...> дам ему белый камень и на камне написанное новое имя» (Откр., 2, 17).
--	---

Но тогда возникает закономерный вопрос: почему же «голос» в стихотворении воспринимается героиней как лжепророческий? Дело в том, что «дьявол, – как пишет, протоиерей Александр Шмеман, – не сказал новых, злых слов, как не создал и не может создать ничего. Вся ложь и вся сила его лжи в том, что он *те же* слова сделал словами *о другом*, узурпировал их, и в том, следовательно, что он и служит его в «мире сем». Всегда говорят на языке, буквально украденном у Бога» [5, с. 178].

Лирическая героиня сумела распознать имитацию и поэтому просто «замкнула» слух. Ведь в «Откровении» «трубный глас» передает через Иоанна некое послание семи Церквям и подчеркивает их подвижническое и аскетическое служение христианскому учению, в то же время некоторым из них ставит в вину стяжание, любодеяние и недостаток веры (грех маловерия) как своего рода душевный застой (ср.: «Ты не холоден, ни горяч...», Откр. / 3, 16). Заметим, что в проекции на «Откровение» двустигшие «И дух суровый византийства // От русской церкви отлетал» обретает новое звучание и означает как раз грех маловерия.

А к чему же призывает «голос», который слышит лирическая героиня? Как раз к тому, чтобы покинуть духовно погибающую Россию. Истинно пророческий голос не может к этому призывать, ибо первохристианский пафос как раз в обратном: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть... Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр., 2, 10).

Эта идея жертвенного служения восходит, конечно же, к новозаветной драме – мученической смерти Иисуса Христа, искупающей грехи человечества. Можно даже предположить, что лжепророческий голос имитирует «букву» «пророческого откровения», но совершенно противоположен его духу. Так, например, у Ахматовой читаем: «Я кровь от рук твоих отмою...», в «Откровении»: «Благодать вам от Иисуса Христа, <...> возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею» (Откр., 1, 5). Казалось бы, речь идет о том же самом: об «омовении» и о «крови» – но смысл прямо противоположный. Знаменательно, что в самом «Откровении» содержится предостережение о появлении лжепророков в «апокалипсическое» время (ср.: «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно... И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его... И чудесами, которые дано было ему творить, он обольщает живущих на земле...») (Откр., 13, 5–6, 13–14).

Сквозь призму апокалипсических аллюзий высвечивается не только нравственная позиция Ахматовой, но в мотивированном отказе от эмиграции (в жесте «замыкания слуха») констатируется осознанный выбор судьбы, неотделимой от судьбы своего народа: «Нет! и не под чуждым небосводом, // И не под защитой чуждых крыл – // Я была тогда с моим народом, // Там, где мой народ, к несчастью, был» [1, с. 244].

А. А. Ахматова понимала, что остаться в родном городе, в родной стране – значит не только обречь себя на лишения, но и разделить общий грех (ведь не случайно – *Голос* из стихотворения «Когда в тоске самоубийства...» обещает ей очищение и отпущение грехов – «Я кровь от рук твоих отмою, из сердца выну

черный стыд...»). Достаточно вспомнить ее славословия Сталину в цикле «Слава миру» – ради спасения сына, или такие, например, строки покаяния из ее поздних стихов: «Вместе с вами я в ногах валялась // У кровавой куклы палача» [1, с. 244], – чтобы понять ее прозорливость в начале 20-х годов.

И, тем не менее, она была твердо убеждена в том, что уезжать из России – не следует, что поэтически обосновала в стихотворении «Не с теми я, кто бросил землю...» [1, с. 147]. Эта позиция вполне понятна только в контексте идеи искупления, которая была для нее не только поэтической концепцией, но религиозно-этическим выбором, повернувшим ее жизнь.

Ахматова имела моральное право на полемику с теми, кто уехал из «грешной страны» в эмиграцию и остался «чист». Вспомним, что идеологи эмиграции, типа Зинаиды Гиппиус, приписывали себе едва ли не священную миссию хранителей Российской духовности (находящейся в оставленной стране на грани уничтожения). Но по логике Ахматовой, их отъезд – своего рода вероотступничество. Мотив вероотступничества подспудно звучит в строках: «Не с теми я, кто бросил землю // На растерзание врагам. // Их грубой лести я не внемлю, // Им песен я своих не дам...» [1, с. 147].

Напомним, что стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю...» написано летом 1922 года – в самый разгар кампании по изъятию церковных ценностей: гонений на церковнослужителей и разорения православных храмов. Поэтому слова о «врагах» и о земле, брошенной им на «растерзание», мы относим именно к ситуации кощунственного надругательства над православными и национальными святынями. Под лексемой «враги» не может подразумеваться внешний неприятель (война к 1922 году окончилась), это и не большевистские захватчики власти в 1917 году, так как стихотворение написано через пять лет после этого события, и слово «враг» по отношению к ним уже не применялось. «Враг» в контексте ахматовского стихотворения подразумевает противоборство с Православной Церковью как символа дореволюционной России, поэтому в семантическое поле образа включается и значение «общего противника рода человеческого, дьявола, сатаны» [3, с. 632].

Поэтому хлеб, пахнувший полынью (ср.: «Полынью пахнет хлеб чужой»), символизирует не только горечь изгнания, но и «греховность нечестия». Священное писание, по словам архимандрита Никифора, «представляет нечестие и пороки человеческие под видом полыни, как крайне горькие по их последствиям, и изображает тягость наказания Божия, которое постигает всякого человека грешного» [2, с. 573]. Ср.: «Говорит Господь: вот, Я накормлю их, этот народ, полынью» (Иер., 9: 15)».

Можно предположить, что Ахматова в стихотворении «Не с теми я, кто бросил землю...» переворачивает ветхозаветную ситуацию исхода праведников из грешной земли, перетолковывая ее в евангельском духе: «Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее» (Мф., 10, 38–39). Вот почему «каждый час» оставшихся «в глухом чаду пожара» будет оправдан Высшим Судом.

Тот же эпизод из Книги Бытия, повествующий об исходе праведников из грешной земли, положен в основу «Лотовой жены», который Ахматова также перетолковывает по-своему (не трогая сюжетную канву!).

В библейской традиции жена Лота символизирует пристрастие к греховному миру и представляет тех, кто, став на путь спасения, обращается вспять Ср.: «В тот

день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращайся назад: вспоминайте жену Лотову» (Лк., 17, 31–32).

Героиня Ахматовой стоит перед иным выбором: покинуть город и спастись (ср.: «Спасай душу свою, не оглядывайся назад... чтобы тебе не погибнуть» Быт., 19, 17) или оглянуться и погибнуть. Она выбрала второе: «Взглянула – и, скованы смертною болью, // Глаза ее больше смотреть не могли; // И сделалось тело прозрачною солью, // И быстрые ноги к земле приросли» [1, с. 153].

Собственно, здесь нет мотива искупительной жертвы как такового. Жертва – есть, а искупления – нет. Почему? Очевидно, для Ахматовой важен не внешний результат, а внутренняя готовность к самопожертвованию: Лотова жена сознательно идет на смерть (ср.: «Когда же вывели их <семью Лота> вон, то один из них <Ангелов> сказал: “Спасай душу свою; не оглядывайся назад... чтобы тебе не погибнуть” (Быт., 19, 17). Лотова жена оглядывается, обрекая себя на гибель, даже не ради спасения родины, а ради памяти о ней. Непомерность этой жертвы («жизнь за единственный взгляд») продиктована идеей преданности и любви грешной, богооставленной родине.

Отсюда тянутся нити к стихотворениям, объединенным мотивом жертвенного искупления. Среди них: (ср.: «В кругу кровавом день и ночь // Долит жестокая истома... // Никто нам не хотел помочь // За то, что мы остались дома, // За то, что город свой любя, // А не крылатую свободу, // Мы сохранили для себя // Его дворцы, огонь и воду» [1, с. 152]), «Земной отрадой сердца не томи ...», «Не с теми я, кто бросил землю...». Этот мотив звучит и в следующем в сборнике сразу за «Предсказанием» (хотя оно датировано годом раньше). Лирическая героиня называет себя «заложницей в неволе // Всей земной непоправимой боли» [1, с. 145].

В свете идеи искупления совсем иной смысл обретают стихотворения, в которых рисуется картина бедствий петроградцев во время революции и гражданской войны. В лирической интерпретации Ахматовой это не бессмысленные страдания, а искупительный акт, добровольный выбор, продиктованный высокими помыслами.

Религиозную подоплеку обретает и отказ от эмиграции. Специфика патриотической позиции Ахматовой в том и заключается, что она неотделима от православно-христианской этической модели.

Стихи «Петроград, 1919», «Все расхищено, предано, продано...»

Таким образом, основной нерв лирического воплощения второй стадии апокалипсиса связан с изменением роли поэта. Ахматова преобразует апокалипсический миф, ибо ее уже не устраивает роль *только* пророка, она хочет всеобщего спасения. Ее позиция сформулирована предельно ясно: она не приемлет спасения в одиночку, спасения избранных праведников, в то время как мир, Отечество, родной город обречены на гибель.

Отсюда апология Лотовой жены и неприятие эмиграции, отразившееся во многих стихотворениях конца 1910-х – начала 1920-х годов (ср.: «Ты – отступник: за остров зеленый...», «Не с теми я, кто бросил землю...», «Петроград, 1919», «Предсказание», «Другой голос»). В мотивированном отказе от спасения (в отрыве от родины) констатируется осознанный (жертвенный) выбор судьбы, неотделимой от судьбы погружающегося в Большой террор Отечества.

Что же касается третьей (постапокалипсической) стадии, то она воплотится в ахматовском творчестве 1940–1960-х годов – в мотиве воскресения Слова и в образах воскрешения Словом. Но это уже другая тема...

Список литературы

1. Ахматова А. А. Сочинения: в 2 т. ; сост. и примеч. М. М. Кралина. М. : Изд-во «Правда», 1990. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. 448 с.
2. Библийская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. М.: Терра, 1990. 902 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. В. Даль. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. 1744 стб.
4. Кихней Л. Г. Эсхатологический миф в позднем творчестве О. Мандельштама // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005. № 6. С. 108–123.
5. Шмеман А. Евхаристия: Тайнство Царства. М.: Паломник, 1992. 304 с.

APOCALYPTIC COLLISIONS AND BIBLICAL ALLUSIONS IN THE WORKS OF A. A. AKHMATOVA IN THE END OF THE 1910S-THE EARLY 1920S

L. Kikhney¹, L. A. Yakovleva²

¹Institute of international sale and economy A. S. Griboedov
The department of history of journalism and literature

²Technology Institute (branch) of M. Ammosov North-Eastern Federal University
The department of Russian Philology

The article is devoted to one of the stages of development of the apocalyptic plot in the works of Akhmatova. On the material of the poems included in the collections of «Podorozhnik» (1921) and «Anno Domini» (1922), the receptive specifics of the incarnation of the eschatological motifs is traced, a number of allusions to the Holy Scriptures is revealed, first of all, to the «The Revelation of St. John the Divine».

Key words: *three stages of the apocalyptic plot, eschatological motifs, biblical archetype, the end of the world, prophecy, the Atonement, outcome*

Об авторах:

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова (111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21), e-mail: lgkikhney@yandex.ru

ЯКОВЛЕВА Любовь Анатольевна – старший преподаватель кафедры русской филологии Технического института (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в г. Нерюнгри (678960, Республика Саха (Якутия), г. Нерюнгри, ул. Кравченко, д. 16), e-mail: yakovlyubov@rambler.ru